

УДК 811.161.1'371'373.612.2:165.12:[233.2+241.4]

САЙГИН Вадим Викторович,кандидат филологических наук, проректор по экономическому развитию и АХР Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; Нижний Новгород, Россия;
e-mail: secretar@ahch.unn.ru; тел.: +7 (831) 4623005; моб.: +7 905 6616032**ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ
(по данным современного русского языка)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме *десакрализации* концепта «грех» в обыденном сознании носителей русского языка, отраженной как в системно-языковых значениях слова «грех», так и в особенностях его речевой реализации в разных контекстах употребления. Под *десакрализацией* понимается стилистическое снижение слов, изначально выражающих высокие духовные и религиозно-нравственные понятия. Это отражает общую тенденцию к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из религиозной коммуникативной среды в коммуникативную среду светскую. Явление десакрализации рассматривается на примере функционирования концепта *грех* в современном русском языковом сознании. Материалом для анализа выступают основные русские словари и данные Национального корпуса русского языка. Доказано, что десакрализация концепта *грех* на уровне лексического значения слова обнаруживается в понимании греха как простительной человеческой слабости, а на уровне коннотативной сферы она проявляется в приобретении этим словом контекстуальной положительной оценочности, что в свою очередь обуславливает оттенок несерьезного, шутивого отношения к греху, отражающего современные реалии бездуховного общества потребления.

Ключевые слова: концепт «грех», десакрализация, языковая экспликация, русский язык.

Понятие греха входит в число тех ключевых идей русской культуры, которые издавна определяют вектор её духовной эволюции. Сформировавшись в русле религиозно-христианского, православного мировоззрения, это понятие во многом обуславливает специфику отношения русских людей к миру, их системы ценностей и жизненных установок.

Несомненно, на первый план в содержании этого понятия выходит религиозный компонент: это необходимо учитывать при комплексном описании соответствующего концепта.

В наших предыдущих работах мы выявили основные содержательные компоненты понятия «грех» в религиозно-христианском православном мировоззрении:

1. 'Сознательное или бессознательное совершение действия, нарушающего Божественные установления'.

2. 'Состояние вины субъекта перед Богом, наступающее в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления'.

3. 'Прекращение жизни в Боге субъекта, изначально живущего по Божественным установлениям, в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления'.

4. 'Изначальное состояние любого смертного человека по причине первородного греха, совершенного Адамом и Евой, требующее специфических духовных действий покаяния'.

Однако при этом следует отметить, что на уровне обыденного употребления языка непосредственно религиозный смысл этого понятия зачастую уступал место совсем иным семантическим компонентам, отражающим уже особенности быта и нравов народа, его ценностей и предпочтений, лишённых христианской окраски.

Отмеченное несовпадение двух во многом противоположных интерпретаций, которое ведёт к неполному и неточному пониманию светскими носителями языка этого понятия, составляет, на наш взгляд, главную особенность концептуального содержания *греха* в современном мире. Об этом непонимании пишет Л. Г. Панова: «С одной стороны, о словах типа *«грех»*, *«исповедь»*, *«молитва»* какие-то представления (пусть даже самые поверхностные) есть практически у любого носителя языка. Но с другой стороны, полное знание о них, а уж тем более умение ими пользоваться, можно ожидать только от верующего человека. Дилемма эта возникла, конечно же, только в XX веке, когда общество предоставило человеку свободу вероисповедания» [4, с. 177].

В целом, сегодня можно говорить о сосуществовании в национальном сознании двух пластов понимания «греха» — религиозного и внерелигиозного. Так, например, Л. Г. Панова справедливо отмечает различия между религиозной трактовкой понятия и его общенародным содержанием, отражённым в языке.

Прежде всего, это тенденция к *десакрализации греха*, интерпретация которого в языке сводится к любому типу нарушения чего-либо, вины или ошибки [4, с. 177]. Своего максимума десакрализация греха достигает в русском языке в советскую эпоху. Так, в БАС, создававшемся в период с 1950 по 1965 г.г., собственно религиозное значение слова «грех» 'нарушение религиозного предписания; проступок против правил религии и нравственности' подаётся лишь как третье значение и с пометой «устаревшее» [6]. В МАС на период 80-х г.г. XX в. это значение, хотя и указано первым, но имеет характерную помету «У верующих» [5].

Ряд контекстов сохраняет первоначальное религиозное понимание греха. Однако в большинстве случаев можно говорить о десакрализации греха, которая находит своё выражение в расширительном

понимании греха как любого нарушения какой-либо нормы, сознательного или бессознательного, как ошибочных или неправильных действий в любой сфере: социальной, политической, идеологической, этической, эстетической, культурной. Грешным может быть, таким образом, не только поступок в отношениях между человеком и Богом. Грешными могут квалифицироваться также действия обобщённых или коллективных субъектов, не предполагающих наказания, покаяния или вообще какой-либо ответственности за его совершение.

Всё это и многое другое отражено в фактах языка. Язык ярко, точно и глубоко манифестирует коллективную психологию этноса. Именно поэтому с помощью языка можно диагностировать истинное отношение народа к тому или иному явлению жизни. Это в полной мере относится к языковой концептуализации понятия «грех» в национальном сознании.

В описании концептуального содержания того или иного концепта необходимо включать данные, извлечённые из анализа его **внутренней формы (этимологии)**. Так, внерегиональный, бытовой, «приземлённый» семантический компонент во внутренней форме «грех» унаследован из общего праславянского и праиндоевропейского языка-источника. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово связывается с *греть* с первоначальным значением 'жжение (совести)'. Ещё один ряд этимологических сближений связывает слово «грех» с литовским *graijas* 'косой', включая элементы *groikso- или *groiso- 'изгиб, кривизна'. Возможно, сходными по происхождению являются такие слова как *гроза*, *грёза* [8].

П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» возводит *грѣхъ* к праславянскому *groi-s-us 'заблуждение, путаница, ошибка'; ср. *сѣгрѣза* 'ошибка', ср. *грёза*, *грозы* ← лит. *graižty* 'вертеть, крутить, сверлить'; *graižus* 'скрученный, изогнутый, искривлённый' [10].

Таким образом, мы можем выделить идею искривления, сгибания, т. е. нарушения первоначального состояния чего-л., которое перешло через метафору в идею заблуждения, ошибки, путаницы, своего рода искривления, сворачивания с прямого пути. Отметим, что указанное нарушение чего-л. не обязательно связано с сознательными действиями субъекта; это любое нарушение, отклонение от прямого пути по любым причинам или основаниям, и даже без причин.

В предыдущих работах мы определили семантический объём концепта «грех» по данным основных толковых словарей русского языка и выявили 11 когнитивных признаков данного концепта.

1. Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию).
2. Нарушение религиозных предписаний, правил.
3. Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом.
4. Нарушение предписаний, правил нравственности.
5. Проступок, преступление.
6. Ошибка.
7. Состояние (чувство, ощущение) вины.
8. Порок, недостаток.
9. Беда, несчастье.
10. Состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий).
11. Распутство.

В этом списке на 4 собственно религиозных аспекта греховности приходится 7 светских.

Дальнейший анализ показал развитие светских компонентов содержания концепта «грех» в его языковой экспликации. Так, показательными являются случаи, когда сочетаемость слова «грех» приводит к его семантическим преобразованиям по типу контекстуальной метафоризации и метонимизации.

С точки зрения принадлежности к лексико-грамматическому разряду в системе языка, слово «грех» относится к категории абстрактных существительных — 'состояние'; хотя возможна конкретизация в значении '(конкретный) поступок'. В когнитивной лингвистике (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джекендофф и др.) давно отмечается, что абстрактные понятия в наивной картине мира, которую репрезентирует система естественного языка, всегда подлежат конкретно-чувственному переосмыслению. Этот процесс получил название *реификация* (овеществление абстракции). Другая сторона этого явления — *одушевление* (рассмотрение неодушевлённой сущности как одушевлённого объекта). Базой такого овеществления или одушевления выступает концептуальная метафора [3].

Языковая экспликация концепта «грех» в ряде контекстов демонстрирует примеры метафорической реификации. Так, нами обнаружены случаи перехода абстрактного существительного «грех» в лексико-грамматический разряд конкретных существительных:

1) по модели 'абстрактное понятие → конкретный предмет, вещь', в сочетании с глаголами конкретного физического действия: *закапывать старые грехи*; *грех на совести лежит*; *греха не видеть*; ср. также в сочетании *грех пополам*; в этом случае «грех» осмысливается как вещь, продукт, вообще как чувственно воспринимаемый предмет, с которым можно производить разнообразные конкретные действия;

2) по модели 'абстрактное понятие → среда или вместилище': *впасть [погрузиться] в грех*; *жить в грехе*; *погрязнуть в грехе*; «грех» здесь представлен в виде среды, в которую погружается субъект действия;

3) по модели 'абстрактное понятие → вещество, субстанция': *вкусить греха (грех)*.

Встречаются контексты, в которых «грех» подвергается метонимическому одушевлению: словом «грех» именуется одушевлённый источник греха: *грех попутал* = *чёрт / бес попутал*; «грех» выступает как одушевлённый агент — активный субъект действия: *грех рождает смерть*, — или как объект действия, в область применения которого в норме входит одушевлённое существо: *убить грех*.

Сама возможность овеществления или одушевления абстрактного существительного является обычной для «наивной картины мира» (Ю. Д. Апресян), и подобные контексты свидетельствуют об определённой «приземлённости» в трактовке греха в обыденном сознании носителей языка, об актуализации и обогащении внерелигиозного компонента его концептуального содержания.

Также показательны в аспекте интересующей нас проблемы десакрализации и дериваты слова «грех». Так, только внерелигиозный компонент смысла имеет стилистически окрашенное прилагательное *небезгрешный* с явной отрицательной оценочностью и стилистически ограниченным употреблением (ср. модель *известный* → *безизвестный* → *небезизвестный*): '(разг. фам.). 1. Достаточно греховный, не невинный. 2. Незаконный, неправильный': **Небезгрешные** *доходы* (взятки). Здесь выявляется новый оттенок смысла, потенциально могущий рассматриваться как когнитивный признак — 'что-то неправильное, незаконное'.

Только внерелигиозный компонент, соответствующий КП 'вина, ошибка' реализуется в предикативной, краткой форме прилагательного *грешен* 'разг. виноват, повинен': *Друг Дельви́г, мой парнасский брат, Твоей я прозой был утешен, / Но признаюсь, барон, я грешен: / Стихам я больше был бы рад* (Пушкин, Дельвигу) [6].

То же можно сказать о категории состояния *грешно* в сочетании с инфинитивом в роли сказуемого в безличном односоставном предложении, которая реализует значение: '(разг.). Предосудительно, стыдно, нехорошо': **Грешно** *вам так говорить!* — Отметим, что оба слова имеют ограничения в употреблении: они присущи только разговорной речи, что ещё раз подтверждает нашу мысль о преимущественно светском понимании греха в народном мироощущении.

Десакрализованное, светское понимание греха как человеческой слабости, а также шутливое, т. е. несерьёзное отношение к нему проявляет себя также в деривате с уменьшительно-ласкательным суффиксом *грешок*: *мелкие грешки, простительные грешки*.

Расширение объёма концептуального содержания «грех» проявляет такой дериват, как *погрешность*. Это слово реализует представление о грехе как о некоей неправильности в общем смысле слова — 'ошибка, неправильность, неточность, допущенная кем-л. в чём-л.': **погрешность** *в вычислениях; стилистические погрешности*, — и потому распространяет это понимание на неодушевлённые предметы, вещи — 'недостаток, изъян в работе какого-л. механизма, устройства и т. д.' [5]: **погрешности** *в моторе трактора*. Иными словами, «грешить» могут даже неодушевлённые объекты, что приводит к максимуму десакрализованности в понимании этого концепта в обыденном сознании.

Итак, десакрализованное представление о грехе обнаруживается в понимании греха как простительной человеческой слабости (*грешок*), что, в свою очередь, обуславливает оттенок несерьёзного, шутливого отношения к греху, отражённый в разнообразных словарных пометах.

Десакрализация греха в обыденном сознании носителей языка проявляется также в его речевой реализации в устойчивых моделях сочетаемости по данным фразеологии и паремиологии.

Так, фразеологические единицы фиксируют и новые оттенки концептуального содержания «грех», не отмеченные в словарях или не акцентированные в них полноценным образом. Все эти новые когнитивные признаки имеют отчётливо выраженный внерелигиозный, десакрализованный характер. Это, например, непредметное, общеоценочное значение 'что-то плохое, неправильное': *С грехом пополам* — только в значении: 'Кое-как; едва-едва, с трудом'. **Грех** *сказать, чтобы...* — 'нельзя сказать, неверно было бы утверждать, упрекать'.

Значение обмана: *С грехом пополам* — только в значении: б) 'Нечестно; с обманом, сомнительными путями'; ср. в словаре А. И. Молоткова: '2. Устар. Сомнительным путём, неблагоприятным способом, нечестно, с обманом' [9]. *Брать, взять грех / греха на душу* — только в третьем значении 'допускать обман, ложь'.

Значение состояния раздражения, досады: *Вести, вводить кого в грех* — только в значении: 'Сердить, раздражать'. *И смех и грех* (разг.) — только в значении 'смешно и досадно'.

Значение грусти, печали: *И смех и грех* = *И смех и горе* — в словаре А. И. Молоткова: 'Одновременно смешно и грустно, весело и печально; трагикомично' [9].

Пословицы и поговорки часто актуализуют десакрализованные компоненты в понимании греха. Так, очень важным представляется развитие значения «грех» в плане эстетическом — 'о ком-то некрасивом, физически непривлекательном': *Как смертный грех* (страшен, некрасив кто-н.) — '(разг.) очень страшен, некрасив'.

Отметим, что пословица чаще всего употреблялась в отношении лиц женского пола. Об этом писала Л. Г. Панова: «Более интересен случай, когда итальянский и русский языки сходятся в эстетической оценке греха — *Страшна, как смертный грех / Brutta come il peccato* (в итальянской поговорке нет определения «смертный», но вместо него стоит определённый артикль, передающий грех как родовое понятие); имеется аналог этой пословицы и в английском языке, *ugly as sin*» [4, с. 177]. Это, очевидно, связано с легендой о грехопадении Евы, что в народном миропонимании обусловило представление об изначальной греховности женской природы. Ср. пословицу: *Адам плотью наделил, Ева — грехом*.

В целом, языковая экспликация концепта «грех» обнаруживает стремление к десакрализации этого понятия, к шутливому, обытовлённому, сниженному его истолкованию, что можно рассматривать как отражение «карнавализации» [1] или «анти-поведения», также имеющего ритуальный смыслмены старых норм отношения к миру и поведения на новые [7].

С другой стороны, стремление осмыслить в терминах «греха» самые разнообразные бытовые, светские проявления психологической, социальной и моральной жизни и даже неодушевлённые предметы

и артефакты может свидетельствовать о своеобразном «практическом идеализме» русского народа, о такой черте семантического универсума русского языка, которую А. Вежбицкая определяет как «моральная страстность», т. е. тяготение к категорическим моральным суждениям по поводу и без повода [2].

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса : монография / М. М. Бахтин. — 2-е изд. — М. : Худ. лит., 1990. — 543 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; [отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз]. — М. : Рус. словари, 1997. — 412 с.
3. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живём : [пер. с англ.] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
4. *Панова Л. Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «peccato») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка. Языки этики. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 167–177.
5. *Словарь русского языка* : в 4 т. / [ред. А. П. Евгеньева]. — М. : Рус. яз., 1985. — Т. 1.
6. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — М. ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 8.
7. *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 608 с.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачёв ; ред. и авт. предисл. проф. Б. А. Ларин]. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 1.
9. *Фразеологический словарь русского языка* / [сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков (ред.), А. И. Фёдоров]. — М. : Сов. энцикл., 1968.
10. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — М. : Рус. яз. — Медиа, 2006. — Т. 1.

References

1. *Bakhtin M. M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekovya i renessansa : monografiya / M. M. Bakhtin. — 2-e izd. — M. : Khud. lit., 1990. — 543 s.
2. *Vezhbickaya A.* Yazyk. Kul'tura. Poznaniye / A. Vezhbickaya ; [otv. red. i sost. M. A. Krongauz]. — M. : Rus. sloviri, 1997. — 412 s.
3. *Lakoff D.* Metafory, kotorymi my zhiv'om : [per. s angl.] / D. Lakoff, M. Dzhonson. — M. : Editorial URSS, 2004. — 256 s.
4. *Panova L. G.* Grekh kak religioznyy concept (na primere russkogo slova «grekh» i italyanskogo «peccato») / L. G. Panova // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki. — M. : Yazyki rus. kul'tury, 2000. — S. 166–167.
5. *Slovar' russkogo yazyka* : v 4 t. / [red. A. P. Yevgenyeva]. — M. : Rus. yaz., 1985. — T. I.
6. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* : v 17 t. — M. ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1958. — T. I.
7. *Uspenskiy B. A.* Izbrannyye trudy. T. I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury / B. A. Uspenskiy. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. — 608 s.
8. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / M. Fasmer ; [per. s nem. i dop. chl.-kor. AN SSSR O. N. Trubachev ; red. i avt. predisl. prof. B. A. Larin]. — M. : Progress, 1986. — T. I.
9. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* / [sost.: L. A. Voynova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov (red.), A. I. F'odorov]. — M. : Sov. encikl., 1968.
10. *Chernykh P. Ya.* Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka : v 2 t. / P. Ya. Chernykh. — M. : Rus. yaz. — Media, 2006. — T. I.

САЙГІН Вадим Вікторович,

кандидат філологічних наук, проректор з економічного розвитку та АГР Нижегородського державного університету імені Н. І. Лобачевського; Нижній Новгород, Росія;
e-mail: sekretar@ahch.unn.ru; тел.: +7 (831) 4623005; моб.: +7 905 6616032

ДЕСАКРАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ «ГРІХ» У НАЦІОНАЛЬНІЙ СВІДОМОСТІ (за даними сучасної російської мови)

Анотація. Статтю присвячено проблемі десакралізації концепту «гріх» у повсякденній свідомості носіїв російської мови, що відбивається як у системно-мовних значеннях слова «гріх», так і в особливостях його мовної реалізації в різних контекстах вживання. Під десакралізацією розуміємо стилістичне зниження слів, які виражають високі духовні й релігійно-моральні поняття. Це відображає загальну тенденцію до зниження ціннісного регістра високих понять при переході їх з релігійного комунікативного середовища у світське комунікативне оточення. Явище десакралізації розглянуто на прикладі функціонування концепту «гріх» у сучасній російській мовній свідомості. Матеріалом для аналізу виступають основні російські словники і дані Національного корпусу російської мови. Доведено, що десакралізація концепту «гріх» на рівні лексичного значення слова виявляється у розумінні гріха як пробачної людської слабкості, а в конотативній сфері вона виявляється у набутті цим словом контекстуальної позитивної оцінності, яка зумовлює відтінок несерйозного, жартівливого ставлення до гріха. Таке ставлення до гріха відображає сучасні реалії бездуховного споживачького суспільства.

Ключові слова: концепт «гріх», десакралізація, мовна експлікація, російська мова.

Vadim V. SAIGIN,

PhD (Philological Sciences), Vice-Rector for Administrative and Logistical Affairs of the N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Nizhni Novgorod, Russia;
e-mail: sekretar@ahch.unn.ru; tel.: +7 (831) 4623005; моб.: +7 905 6616032

DESACRALIZATION OF THE CONCEPT «GREKH» («SIN») IN NATIONAL CONSCIOUSNESS (according to the data of the Modern Russian language)

Summary. The article is devoted to the problem of *desacralization* of the concept «grekh» («sin») in ordinary consciousness of native speakers, which is reflected both in system-linguistic meaning of the word «grekh» («sin») and in its speech realization in different contexts. The author treats *desacralization* as stylistic decrease of words which primarily expressed high spiritual, religious and moral values. It reflects the general tendency to decrease the level of high value of terms in their transition from religious communicative sphere into the worldly one. The phenomenon of «desacralization» is analyzed on the example of the

concept «grekh» («sin») functioning in Modern Russian national language consciousness. Main Russian vocabularies and the data of Russian National Corpus come out as sources of the material for analysis. It is proved, that desacralization of concept «grekh» («sin») is expressed in understanding of a sin as excusable human weakness within lexical meaning of the word. In connotational sphere it possesses contextual positive evaluation because it has a shade of light-hearted attitude to sin, which reflects modern realia of our spiritually deprived consumer society.

Key words: concept «grekh» («sin»), desacralization, language explication, the Russian language.

Статью получено 28.05.2014 г.

УДК [811.161.1+811.512.161+811.415.323]’373.74:398.9:351.778.3

НАЙМУШИНА Татьяна Алексеевна,

кандидат филологических наук, доцент подготовительного факультета для иностранных граждан Астраханского государственного технического университета; Астрахань, Россия;

e-mail: naimtat@mail.ru; тел.: 007 (8512) 544393; моб.: +7 8 960 8618814

ВОДА В РУССКОЙ, ТУРЕЦКОЙ И СОМАЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (на материале пословиц и поговорок)

Аннотация. Каждая культура имеет свой набор образов, среди которых встречаются образы, общие для многих народов. Одним из таких общих образов является образ воды — один из базовых элементов менталитета трёх разных народов: русского, турецкого и сомалийского. Паремии с ключевым словом «вода» отражают народное мнение о жизни, приоритетных ценностных ориентирах, принятых в русской, турецкой и сомалийской лингвокультурных общностях.

Ключевые слова: пословица, поговорка, языковая картина мира, образ, русский язык, турецкий язык, сомалийский язык.

Национальное восприятие мира, отражённое в языке, представляет языковую картину народа. Такая «картина мира», т. е. то, как человек номинирует окружающие его объекты, на что обращает внимание, какую дает им оценку, существует в сознании каждого представителя языкового сообщества и через субъективную систему взглядов отражает национальный менталитет.

Каждый народ, имея свой исторический опыт, творит оригинальную языковую картину мира, в которой особое место занимают пословицы и поговорки, можно даже говорить о «пословичном проявлении менталитета» разных народов [2, с. 35]. Паремии отражают народное мнение о жизни, приоритетных ценностных ориентирах, принятых в данной лингвокультурной общности. Пословицы и поговорки изучаются с разных ракурсов, многоаспектно, в том числе, с точки зрения языковой прагматики, т. е. коннотативного аспекта. «Этот аспект приобретает особую значимость при сопоставлении разных языков и культур, ибо он помогает выявить собственно-национальное на фоне межъязыкового, универсального» [3, с. 89].

Каждая культура имеет свой набор образов, среди которых встречаются образы, общие для многих народов. Одним из таких общих образов является образ воды — один из базовых элементов менталитета трех разных народов: русского, турецкого и сомалийского. Нами сделаны выборки паремий с компонентом «вода» из словаря В.И. Даля «Пословицы русского народа» [1], из сборника «Сомалийские пословицы и поговорки» [6] и из турецкого словаря пословиц и поговорок «Atasözleri Deyimler ve Özdeyişler» [8], привлекался также материал от носителей турецкого языка.

Вода в представлениях столь разных народов обладает безусловной значимостью для жизни человека, что определяет частотность ключевого слова «вода» в русских, турецких и сомалийских паремиях. В словаре В.И. Даля оно употребляется в 500 паремиях; в сборнике сомалийских пословиц и поговорок в 50 единицах (из 1001), в нашей турецкой картотеке насчитывается 30 единиц; слово семантически «нагружено».

Компонент «вода» служит источником порождения определённых семантических коннотаций, в значительной степени схожих в паремиях всех трех языков. Реалия, обозначенная словом «вода», в русских паремиях включена в большое количество ситуаций и характеризуется наличием определённого объёма значений. Все паремии со словом «вода» можно разделить на несколько семантических групп, включающих в себя следующие концептуальные признаки: 1) стихия, природное явление; 2) пищевой продукт, питьё, напиток; 3) предмет приложения усилий, труда; 4) средство очищения, 5) текущая вода — течение времени; 6) вода что-то приносит с собой; 7) наличие воды в данном месте приводит к определённым последствиям.

Лексема «вода» со значением ‘стихия’ в русских пословицах и поговорках часто несёт отрицательные коннотации. Вода в сознании русского человека представляется как стихийное бедствие, поэтому в паремии слово *вода* часто рифмуется со словом *беда*: *Где вода, тут и беда; От воды всегда жди беды; Огонь — беда, и вода — беда; а без огня и воды — и нище беды; Жди горя с моря, беды от воды; Пришла беда, разлилась вода: пережидать нельзя, а стоять не велят; Огонь да вода — нужда да беда; Беда — что с гор вода.* В наших климатических условиях воды всегда было много: тая-